

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-192-209

ЛЕВ ШЕСТОВ

К.В. Ворожихина

Институт философии РАН
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, Россия, 109240

Статья посвящена биографии и творчеству русского религиозного экзистенциального мыслителя Льва Шестова. В статье отражены основные этапы мировоззренческой эволюции философа: анализируются истоки его творчества, рассматривается круг мыслителей и философов, который был наиболее близок Шестову, исследуются причины трансформаций его взглядов, заставившие мыслителя преодолеть этическое и встать на путь философии трагедии и имморализма, прослеживается его творческая эволюция от народничества к нищезанятию и религиозной философии экзистенциального типа. Автор статьи анализирует, как менялось понимание Шестовым этического, его видение философии и представление о гуманизме, отношение к личности и наследию Ф. Ницше на протяжении творческого пути. В статье рассматриваются основные понятия его учения: трагедия, живой Бог, вера, разум, грех, дерзновение, «всемство», смерть, умозрение и др. Прослежена связь с европейскими интеллектуалами, оценен вклад Льва Шестова в западную культуру.

Ключевые слова: Лев Шестов, экзистенциальная философия, религиозная философия, философия трагедии, литературная критика, народничество, Ницше, Кьеркегор, «Афины и Иерусалим»

Лев Шестов (наст. имя — Иегуда Лейб Шварцман, 1866—1938) — религиозный мыслитель и эссеист, предвосхитивший основные идеи экзистенциализма XX в. Начиная с литературной критики, от которой перешел к публицистике, затем к философии религиозно-экзистенциального типа. Находясь в эмиграции, оказал влияние на философов Франции и России.

1. БИОГРАФИЯ

Шестов родился 31 января (12 февраля) 1866 г. в семье киевского коммерсанта Исаака Моисеевича Шварцмана. В юности он, как и многие, увлекался политикой и был близок к народолюбцам, изучал Маркса и был одним из первых критиков марксистского учения в Киеве [1. С. 75]. В 1884—1889 гг. будущий философ обучался в университете. Сначала он поступил в Московский университет на математический факультет, затем перевелся на юридический. Учителями Шестова в университете были профессора А.И. Чупров, находившийся под влиянием Д.И. Писарева и Н.Г. Чернышевского и считавшийся выразителем взглядов народнического направления, и И.И. Янжул, который приобрел известность, находясь на посту фабричного инспектора. Во время учебы под влиянием Янжула Шестов написал в соавторстве статью «О положении рабочих в России». Вскоре ему пришлось оставить Московский университет, и он вернулся в Киев. В 1889 г. после окончания Киевского университета Шестов работал над диссертацией «Фаб-

ричное законодательство в России». Из-за революционности содержания текст не прошел цензуру, рукопись и черновики диссертации были утеряны. В возрасте 23—28 лет Шестов пробовал себя в прозе — писал рассказы, героями которых были правдоискатели и революционеры, борцы против социальной несправедливости, готовые принести себя в жертву во имя высоких идей. Первые из дошедших до нас публикаций Шестова появились в ежедневной «литературной, политической и художественной» киевской газете народнического направления «Жизнь и искусство», где в 1895—1899 гг. он вел журнальное обозрение, публиковал статьи по юридическим и финансовым вопросам под псевдонимами «Читатель», «Черный», «Л.Ш.».

Осенью 1895 г. Шестов пережил нервное расстройство, сопровождавшееся сильными мучительными невралгиями и полным упадком сил. Дочь мыслителя Н. Баранова-Шестова предположила, что занятие нелюбимым делом — работа на мануфактурных складах отца (с 1891 г.) — могло спровоцировать подобное состояние. К этому же периоду относится знакомство с начинающими поэтессами сестрами В.Г. и А.Г. Малахиевыми. Согласно свидетельствам В.Г. Малахиевой, шестовская философия трагедии родилась из личной драмы мыслителя — из мучительных отношений, сложившихся между философом и сестрами Варварой и Анастасией. В итоге Шестов сделал предложение Анастасии, но отец философа не дал согласия на брак с православной девушкой. Это подорвало душевные силы философа, и он пережил тяжелый кризис.

В 1896 г. Шестов уехал за границу, чтобы лечиться, заниматься литературой и философией. В Европе он переезжал с места на место: останавливался в Вене, Карлсбаде, Берлине, Рейхгале, Париже, Лё-Трепоре, Мюнхене и др. В 1896—1897 гг. Шестов работал над первым крупным сочинением «Шекспир и его критик Брандес», которое было опубликовано под псевдонимом «Лев Шестов» в издательстве А.М. Менделевича в декабре 1898 г. Во время работы он читал Шекспира, Брандеса, Тэна, Канта, начал изучать Ницше. В конце 1898 г. Шестов завершил работу над второй книгой «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (философия и проповедь)», которая была опубликована спустя два года в типографии М.М. Стасюлевича благодаря рекомендации В.С. Соловьева и хлопотам Л.А. Сева. В 1902 г. в журнале С.П. Дягилева «Мир искусства» напечатано третье сочинение Шестова «Достоевский и Ницше (философия трагедии)» (№№ 2—9/10), которое в январе 1903 г. вышло отдельным изданием в типографии Стасюлевича. Эта работа Шестова выдержала наибольшее количество изданий и была переведена на множество языков. В период 1899—1904 гг. он познакомился с петербургскими философами и литераторами: Л.А. Севом, Н.М. Минским, П.Б. Струве, Д.С. Мережковским и В.В. Розановым. В Киеве произошло знакомство философа с Г.И. Челпановым, С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым, М.Б. Ратнером, А.М. Ремизовым. Несмотря на расхождения в некоторых принципиальных вопросах, между Шестовым и Бердяевым завязалась искренняя дружба, продолжавшаяся всю жизнь. Приблизительно в это же время он познакомился с философом А.М. Лазаревым и писателем Е.Г. Лундбергом, впоследствии также ставшими его ближай-

шими друзьями. В 1903—1904 гг., находясь в Швейцарии, Шестов написал книгу «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)», которая вышла в 1905 г. в издательстве «Общественная польза». В это же время Шестов познакомился с Е.К. Герцк, с которой состоял в переписке с 1902 г. В 1908 и 1910 гг. вышли сборники статей «Начала и концы» и «Великие кануны», куда вошли работы философа о А.П. Чехове, Ф.М. Достоевском, Н.А. Бердяеве, Л.Н. Толстом, Ф. Сологубе. 2 марта 1910 г. Шестов посетил Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. В 1910 г. с женой А.Е. Березовской (официальный брак был заключен в Лондоне в 1908 г., в России он не был признан действительным) и дочерьми переехал в Швейцарию, жил в Коппе (до 1914 г.), где начал углубленно изучать европейскую философию и богословие, которые с этого момента становятся центральным предметом его размышлений (за исключением Библии). Этот этап является водоразделом между литературно-критическим и собственно философским периодами творчества философа. В Коппе Шестовых навещают друзья из России: В.Г. Малахьева-Мирович, Е.К. Герцк, С.В. Лурье, А.М. Ремизов, Е.Г. Лундберг и др. Там было написано сочинение «Sola fide — только верую», которое было издано посмертно (вторая часть вышла по-французски в 1957 г.; на русском языке она была опубликована в 1966 г. в издательстве УМСА-Press). В октябре 1914 г. Шестовы переехали в Москву, где мечтали остаться навсегда. В московский период философ часто встречался с Г.Г. Шпетом, Г.И. Челпановым, С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым, В.И. Ивановым, М.О. Гершензоном, С.В. Лурье, сестрами А.К. и Е.К. Герцк и др. 11 июня (по старому стилю) 1918 г. Шестов присутствовал на рукоположении в священнический сан С.Н. Булгакова и подарил ему сукно на рясу. В октябре 1919 г. философ с семьей покинул беспокойный Киев и через Харьков, Ростов, Новороссийск и Ялту выехал за границу. Одновременно с этим он начал «Дневник мыслей», в котором размышлял о судьбе России. В декабре 1919 г. Шестов получил звание приват-доцента Таврического университета, которое впоследствии помогло ему при устройстве профессором на Русское отделение Парижского университета. На первых порах Шестов с семьей прибыл в Геную, затем — в Париж и Женеву. В Женеве им была написана статья «Что такое русский большевизм» с изложением своего понимания происходящего в России, которая вскоре была опубликована в «*Mercure de France*».

С весны 1921 г. Шестов обосновался в Париже, где установил контакты и наладил сотрудничество с эмигрантскими газетами и изданиями: «Последние новости», «Грядущая Россия», «Современные записки». Шестов начал чтение лекций на Русском отделении Института славяноведения при Сорбонне, где на протяжении 15-ти лет он вел свободный курс по философии, посвященный русской философии и ее «резонансам» с европейской мыслью. Впервые французские критики обратили внимание на философа в 1922 г. после выхода статьи «Преодоление самоочевидностей. К столетию рождения Ф.М. Достоевского» в номере журнала «*Nouvelle Revue Française*», приуроченном к юбилею русского писателя. После выхода номера в парижских газетах и журналах стали появляться «сочувственные заметки» о статье. Шестову начали поступать предложения

от французских издательств. В 1923—1924 гг. Шестов был приглашен в Понтины, где проводились встречи, целью которых было сближение интеллигенции из различных стран. Это было первое общение русского мыслителя с французскими интеллектуалами. Шестов начинает публиковаться во французских журналах: “Nouvelle Revue Française” Ж. Ривьера, “Mercure de France” и “Revue philosophique de la France et de l'étranger”, которым руководил Л. Леви-Брюль. С 1921 по 1930 гг. философ часто ездил в Берлин (гостил у психоаналитика М.Е. Эйтингона), где встречался с русскими и немецкими писателями и философами. В 1925 г. Шестов вошел в президиум общества Ницше Германии, которое способствовало изданию на немецком его работы «Власть ключей», и стал членом Кантовского общества. В 1924 г. он познакомился с Б. Фонданом, молодым поэтом румынского происхождения, который впоследствии стал его учеником. К 1926 г. у Шестова появился широкий круг знакомых среди русских, французских и немецких литераторов и философов. Из французских интеллектуалов у него установились приятельские отношения с философом-ницшеанцем Ж. де Готье, Л. Леви-Брюлем, он общается с германистом и знатоком творчества Ницше Ш. Андлером, Г. Марселем, А. Мальро, Ж. Маритеном. В 1928 г. произошло знакомство Шестова с Э. Гуссерлем, М. Бубером, М. Хайдеггером, Г. Шпильбергером, чуть позже с Х. Ортега-и-Гассетом. С Гуссерлем и Бубером завязались теплые приятельские отношения; благодаря им Шестов узнал о датском мыслителе С. Кьеркегоре и начал изучать его работы. Шестов читал лекции и выступал с докладами во Франции, Германии, Швейцарии и Палестине. Из числа русских эмигрантов самым близким человеком для Шестова на протяжении долгих лет оставался Бердяев, с которым он вел ожесточенные споры по самым существенным философским вопросам; кроме него Шестов дружил с И.А. Буниным, в разные периоды времени общался с Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус, П.Б. Струве, П.Н. Милоковым, А.М. Ремизовым, А. Белым, З.А. Венгеровой, Н.М. Минским, М.И. Цветаевой, С.Н. Булгаковым. В 1929 г. вышла книга Шестова «На весах Иова (Странствование по душам)» в издательстве «Современные записки» и одновременно с этим ее немецкий перевод (“Auf Hiobs Waage”). В 1936 г., когда Шестову исполнилось 70 лет, по инициативе Шлёцера был создан Комитет друзей Льва Шестова, который взял на себя финансирование издания сочинений философа. Кроме Шлёцера туда вошли Л. Леви-Брюль, Н.А. Бердяев, П. Дежарден, А.Ю. Добрый, М. Эйтингон, Ж. де Готье, А.М. Лазарев, Ж. Полан. Благодаря комитету было издано сочинение философа «Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне)». Книга вышла в философской серии издательства “Vrin” тиражом в 1000 экземпляров с пометкой “Les amis de Léon Chestov” («Друзья Льва Шестова») в 1936 г., на русском языке она появилась в 1939 г. В 1937—1938 гг. Шестов читал лекции на французском радио, посвященные творчеству Достоевского и Кьеркегора. В 1938 г. в издательстве “Vrin” опубликован итоговый труд Шестова “Athènes et Jerusalem” («Афины и Иерусалим»), которая состояла из статей, написанных Шестовым за 10 лет (1926—1936). На немецком языке в переводе Г. Руофа книга “Athen und Jerusalem” вышла в австрийском издательстве “Schmidt-Dengler”. На русском языке она была опубликована в 1951 г. в издательстве

“УМСА-Press”. В Граце было учреждено Шестовское общество, которое существовало несколько лет и издало ряд книг о русском мыслителе. В 1938 г. Шестов заболел бронхитом, у него открылся туберкулез, 20 ноября он умер в клинике Буало. Философ похоронен на кладбище Boulogne-Billancourt.

2. СОЧИНЕНИЯ

Первым учителем философии для Шестова был Шекспир: именно от него мыслитель воспринял «столь загадочное и непостижимое, а вместе с тем, и столь грозное и тревожное: время вышло из своей колеи» [2. С. 304]. Шестов начал читать Шекспира, Канта и Библию в 1892—1894 гг. Будущий философ и литератор сразу же ощутил себя противником Канта, а от чтения Шекспира потерял сон. Впервые Шестов написал о творчестве английского драматурга в 1895 г. в киевской газете «Киевское слово». Его статья «Георг Брандес о Гамлете» (Л.Ш.<Шестов Л.> Георг Брандес о Гамлете // Киевское слово. 1985. № 2855. С. 2—3) была реакцией на опубликованные в журнале «Русская мысль» (1895, № 8—9) главы из работы о Шекспире известного датского критика Г. Брандеса.

В 1896 г., находясь за границей, Шестов вновь обращается к творчеству Шекспира. Прочитав сочинение Брандеса о жизни и творчестве Шекспира, начинает работать над новой статьей о трагедиях английского драматурга, которая постепенно разрослась в книгу, получившую название **«Шекспир и его критик Брандес»** (1898).

В этой работе Шестов стоит на этических позициях. Нравственность для Шестова не носит формального характера: добра не существует вне человека и независимо от него; добро — это не идол и не цель, целью являются люди. «Высший закон в душе» соткан из «тончайших сердечных струн» [3. С. 91], он строится на сопереживании другим людям, на любви к ближнему, что означает «чувствовать в ближнем самого себя» [3. С. 210]. По мнению Шестова, нравственность начинается там, где заканчивается действие категорического императива, поскольку она не терпит принуждения.

В работе о Шекспире Шестов критикует науку и научную литературную критику в духе И. Тэна и Г. Брандеса, поскольку, возвеличивая закон причинности, объясняющий события внешнего мира, они утрачивают способность постигнуть внутренний мир человека и смысл его страданий, и потому сводят содержание человеческой жизни к случайности. В отличие от науки философия открывает смысл того, что кажется бессмысленным, случайным и ненужным. Шестов понимает философию как «обзор и объяснение человеческой жизни» [3. С. 69]; она направлена на то, чтобы «объяснить смысл жизни во всех ее проявлениях» [3. С. 69], «поставить жизнь впереди всего, в ней видеть начало» [3. С. 69]. Идеалом философа для Шестова является Брут, философия которого служит не только вопрошанием, но и обретением ответа; для Брута размышления размыкаются в поступок, жизнь и философия неразрывно связаны.

Первое сочинение Шестова отличается критическим отношением к философии Ф. Ницше, которого он только начинает изучать в этот период. Впервые

познакомившись со взглядами немецкого мыслителя, Шестов не сразу понял их и не мог принять. Он пишет об авторе сочинения «Так говорил Заратустра» как о вдохновителе Г. Брандеса, как об антигуманисте, выразителе аристократических идеалов и апологете рабства, что было неприемлемым для Шестова, воспитанного на традициях «шестидесятников» с их гуманизмом и любовью к человеку. Однако уже в следующей работе мы видим иное восприятие творчества немецкого философа. Начинается ницшеанский период творчества Шестова.

В сочинении **«Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь)»** (1900) Шестов переосмысливает свое представление об этическом в духе Ницше. Шестов рассматривает жизненный и творческий путь немецкого философа, начавшийся с обожествления добродетели и закончившийся восстанием и бунтом против морали и переосмыслением понятий добра и зла. Сущность добродетели, пишет он, следуя за Ницше, заключается во лжи, лицемерии, трусости и отказе от жизни. По мнению Шестова, Ницше приходит к формуле величия человека — *amor fati*, что означает любовь к судьбе, к необходимости, т.е. к жизни, какой она является на самом деле: «в жизни есть зло — стало быть нельзя его отрицать, проклинать; отрицания и проклятия бессильны» [3. С. 307]. При этом, как подчеркивает Шестов, философия Ницше оказывается ближе к Евангельским идеалам, чем романы Толстого.

Если в первой книге Шестов борется с призраком случая, то впоследствии мыслитель изменяет свою точку зрения: в работе о Толстом и Ницше он утверждает, что случай все же имеет власть над людьми, и все, что может сделать человек, — склониться перед ним, покориться судьбе и принять жизнь со всеми ее тяготами и роковыми изломами. Позднее и эта позиция переосмысливается Шестовым. С нарастанием фидеизма в его мировоззрении он пришел к выводу, что для Бога нет ничего невозможного, как и для человека, верующего в Него.

В книге **«Достоевский и Ницше (философия трагедии)»** (1902, 1903) Шестов первый (наряду с Д.С. Мережковским) провел параллель, которая ранее не представлялась возможной, — параллель между творчеством православного писателя Ф.М. Достоевского и философией аморализма Ф. Ницше. Шестов сближает идеи романов Достоевского и философию Ницше, полагая, что в основе творчества русского писателя и немецкого мыслителя лежит сходный трагический опыт, который приводит к «перерождению убеждений» одного и «переоценке всех ценностей» другого. Достоевский и Ницше являются великими психологами: они открывают эру психологии, которая приходит на смену эре разума и морали. И тот, и другой являются имморалистами, несмотря на то, что у них пытались найти некую обновленную мораль. В их идеях нет прочности, нет равновесия, почвы, они мыслят противоречиями, поэтому философ и писатель не годятся в учителя. Они не являются проповедниками, поскольку не выражают готовых истин, но находятся в постоянном поиске и привлекают читателей не в качестве учеников или паствы, а в качестве свидетелей этого поиска.

Несмотря на свое народническое прошлое, на то, что ранние статьи и рассказы Шестова имели политическое звучание и были направлены на пробуждение об-

щественного сознания, со временем он отказался от пропаганды каких-либо политических идей. В третьей книге (о Достоевском и Ницше) Шестов проводит мысль, что идея всеобщего счастья — красивая выдумка, и если человек видит свою задачу в строительстве «Царства Божьего» на земле, то все погибло: благоденствием будущего зачастую оправдываются бедствия и преступления настоящего.

В 1903—1904 г. Шестов работает над новой книгой, которую он хотел посвятить творчеству Тургенева и Чехова. Ему оставалось объединить собранный материал, подчинить его главной идее, но, не желая приносить в жертву идее и последовательности живую мысль, Шестов решил издать в форме афоризмов «внешним образом ничем не связанные меж собой мысли» [Цит. по: 4. С. 63]. Опубликованная в 1905 г. книга **«Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)»** произвела скандал в обществе, вызвала всеобщее негодование. Все знакомые Шестова были ею недовольны из-за афористичной формы изложения, которая не была принята в то время, а также из-за того, что Шестов не приходил к заключениям, — он ставил вопросы, не давая ответа. По всей видимости, только отзыв А.М. Ремизова на эту книгу был положительным (Ремизов А.М. По поводу книги Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности» // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 204).

Форма афоризма позволяла Шестову сохранять недосказанность, оставляя место для непоследовательности, давала возможность не искать доказательств, подчеркивала адогматизм автора и асистемность его воззрений. Впоследствии он включал афоризмы в большинство своих книг. В этой книге Шестов выступает критиком устоявшихся убеждений, мировоззрений, систем и теорий, закрывающих человеку путь к истине и жизни. Он продолжает тему перерождения убеждений и переоценки всех ценностей и, выступая против общеобязательности, предлагает человеку довериться себе. По мнению мыслителя, истин столько же, сколько людей, поэтому каждый человек должен быть творцом истин, жить на свой страх и риск и делать выводы на основе собственного опыта. Тех, кто живет по чужой указке, «следует всячески клеймить и порицать. В них говорит лень и трусость» [5. С. 206]; согласно Шестову, мужество и дерзновение являются единственными предпосылками мышления, которое должно оставаться свободным, «адогматическим».

Прочитав в книге У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» о М. Лютере, Шестов обращается к сочинениям и личности религиозного реформатора, вынесшего свое кредо «*sola fide*» из опыта «переоценки всех ценностей»; при этом «спасение верою» Лютера он отождествляет с ницшеанским «по ту сторону добра и зла». В работе **«Sola fide — только верою (Греческая и средневековая философия. Лютер и Церковь)»** (1911—1914) шестовская критика разума и этики становится более резкой и акцентированной. Шестов обращается к библейскому сюжету о грехопадении, который оказывается ключевым для его антропологии, этики и гносеологии. От Лютера он воспринимает фидеизм. Свою философию, отныне религиозную *par excellence*, Шестов выстраивает, опираясь на католическую и протестантскую теологию (сочинения Августина, М. Лютера, А. Гарнака, Г. Гризара, Г. Денифле, А. Ричля и т.д.).

Следуя формуле Гарнака, Шестов начинает видеть в христианстве и свято-отеческой традиции неестественный симбиоз Откровения с эллинской мудростью. Работу Шестова **«Власть ключей (Potestas clavium)»** (1923) можно рассматривать как продолжение, с одной стороны, критики католицизма М. Лютером, с другой — «легенды» о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Основным объектом критики христианства является понятие власти ключей, то есть права Церкви «вязать и решать».

Смысл идеи potestas clavium, согласно Шестову, заключается в том, что ключи от Царства Небесного хранятся на земле — тот, кто хочет войти в ворота райского сада, должен рассчитывать на свои дела и силы. Этим, по мнению мыслителя, христиане похожи на идолопоклонников: и те, и другие боятся вверить себя живому Богу. Католичество, считает Шестов, представляет собой воплощение идеи неограниченной власти человека над небом и землей и желание того, чтобы ключи хранились в человеческих руках, находились под человеческим контролем. Ни одна церковь, пишет Шестов, кроме католической, не претендовала на непогрешимость. Книга «Власть ключей» была закончена в 1919 г., однако ее публикация в России так и не состоялась из-за требования большевиков уделить несколько страниц учению К. Маркса [См. 6].

В книгу **«На весах Иова (Странствования по душам)»** (1929) вошли статьи, написанные философом в эмиграции в 1920—1926 гг. Она состоит из трех частей: «Откровения смерти» (в нее вошли статья о Достоевском, которая обратила на себя внимание французских критиков и способствовала налаживанию связей Шестова с французскими интеллектуалами, и работа «На Страшном суде» о сочинениях Толстого), сборник афоризмов «Дерзновения и покорности» и раздел «К философии истории», куда вошли сочинения о Спинозе, Паскале и Плотине, которым философ, вероятно, стал интересоваться под влиянием В.И. Иванова. Эпиграфом к книге служат слова ветхозаветного Иова: «Если бы взвешена была горечь моя, и вместе страдание мое на весы положили, то ныне было бы оно песка морей тяжелее» (Иов. 6:2—3)). Согласно Шестову, на одной чаше весов лежат тяжелые, грузные и неподвижные самоочевидности, диктуемые разумом и природой, на другой — «невесомые» обида, страх, ужас, восторг, торжество, отчаяние, свобода, которые оказываются «самым важным» и перевешивают чашу весов как для Шестова, так и для близких ему мыслителей.

Одной из центральных тем книги является загадка смерти. В 1938 г. в личной беседе Шестов говорил Б. Фондану о том, что главной идеей «Откровений смерти» было то, что начало истины заключено в смерти [См.: 7. С. 183]. Философия, неоднократно повторяет Шестов вслед за Платоном, — это подготовка к умиранию. Смерть дает нам истину, которая является не отрицанием жизни, а, наоборот, ее утверждением: «откровение смерти есть, в последнем счете, искание за видимыми ужасами разложения и конца невидимых начал новой красоты» [Цит. по: 4. С. 207] по ту сторону всех тревог бытия. В статье о Толстом он пишет о том, что страшна не смерть, а страшно «жить нашей бессмысленной, тупой жизнью. Наша жизнь есть смерть, наша смерть — есть жизнь или начало жизни»

[8. С. 111]. В книге «На весах Иова» остро звучит тема противостояния «всемству». «Записки из подполья» прочитываются Шестовым в новом ключе: подпольный «джентельмен» — это человек, дерзнувший «противопоставить себя всему миру, всей природе и даже последней самоочевидности: „все“ не считается со мной, но и я не считаюсь со „всем“» [8. С. 49]. Шестова интересует «отвергнутый всемством человек», которого он призывает «заявить своеволие». «Всемство» губит истину: как только мы хотим открыть истину, сделать ее явной, мы начинаем видеть, «как все», говорить то, что нужно «всем». Поэтому никакая экзистенциальная истина не может оставить следа в истории. Как только истина становится всеобщей, то есть оказывается достоянием культуры и истории, — она исчезает. История оказывается пустой оболочкой, скорлупой, утратившей конкретное содержание. Занимаясь не частным, но общим, она пытается уловить и отразить дух времени, упуская из виду то, что противоречит ему. Между тем, когда индивид идет на поводу у общей тенденции развития, когда он служит духу времени, — он действует как социальный индивид и выражает не себя, но внешнее, наносное, поверхностное, чуждое, возможно, даже враждебное его «я».

Другим важнейшим понятием философии Шестова становится дерзновение, взятое у Плотина, которое Шестов называет «величайшей правдой человека». Философ призывает отказаться от повиновения, которое «есть начало земных ужасов, начало смерти» [8. С. 312] и устремиться к борьбе — с разумом, с законами, с ограничениями, накладываемыми на человека природой. Сама философия становится для Шестова «великой и последней борьбой».

Начав по настоянию Гуссерля читать Кьеркегора, Шестов пишет своим родственникам Ф.И. и Г.Л. Ловцким: «Иногда кажется, что он (Кьеркегор — К.В.) читал „Ап.<офеоз> Бесп. <очвенности>“, или я читал его книги» [Цит. по: 7. С. 26]. Главное расхождение между мыслителями заключается в отношении к гегелевской диалектике: несмотря на критику Гегеля, она остается неотъемлемой частью философии датского философа.

В книге **«Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне)»** (1939) Шестов отождествляет экзистенциальную философию Кьеркегора с философией трагедии (обе берут начало в отчаянии и «слить» с верой). Экзистенциальная философия требует не изложения какого-либо учения, а его проведения в жизнь, его осуществления. Для Шестова основной идеей экзистенциальной философии является мысль о том, что для Бога все возможно, которую он, следуя за Кьеркегором, начинает воспроизводить в своих поздних сочинениях и статьях. Экзистенциальная философия, согласно Шестову, — это «борьба веры с разумом о возможном, вернее о невозможном» [9. С. 230]. Экзистенциальными мыслителями для Шестова являются Лютер, Паскаль, Кьеркегор и Достоевский. Вслед за Кьеркегором и Ницше Шестов пишет о жестокости и свирепости «кроткого» христианского учения, основанного на бесконечных императивах и требованиях «ты должен».

В 1933 г. на французском языке вышла книга Кьеркегора «Повторение». В 1934 г. в журнале «Путь» (№ 39) была опубликована статья Шестова «Гегель или

Иов? (По поводу экзистенциальной философии Киркегарда)» о книге «Повторение», в которой он сближает повторение с «вечным возвращением» Ницше, являющимся для Шестова символом всемогущества Бога, который в силах отменить прошлое и сделать бывшее небывшим.

Итоговый труд Шестова «**Афины и Иерусалим**» является своеобразной «критикой разума»; он пишет в предисловии: «Задача настоящей книги испытать притязание человеческого разума или умозрительной философии на истину» [10. С. 332]. В первой части книги Шестов рассуждает об ограниченности и несвободе мышления, о давлении «вечных истин» и о «сотворенных» истинах; вторая часть — этика, или критика практического разума, в ней содержатся размышления о свободе воли и о знании, ограничивающем волю человека, учащем благочестию и повиновению, заставляющем философов и христиан покорно, стоически и даже радостно относиться к тяготам и невзгодам — то есть искать счастья в «фаларийском быке»; третья часть — рассуждение о невозможности примирить «библейскую, откровенную истину с истиной эллинской» [10. С. 332], то есть о противоположности Афин и Иерусалима; четвертая часть посвящена вере — «второму измерению мышления». Первоначально работа была опубликована на французском и немецком языках (1938 г.), на русском она появилась только в 1951 г.

В этой книге свою философию Шестов определяет как религиозную, то есть «рождающуюся в безмерных напряжениях, через отврат от знания, через веру, преодоление ложного страха пред ничем не ограниченной волей Творца, страха, внушенного искусителем нашему праотцу и переданного нам всем» [10. С. 335]. Афины у Шестова символизируют негативную противоположность откровенного знания: господство рациональных истин, отдаляющих человека от истоков жизни — древа жизни. Ученые и философы Афин вкушают плоды с древа познания, содержащие в себе яд — несвободу и смерть. Иерусалим — это образ ничем не ограниченной райской свободы, когда человек находился в непосредственных отношениях с Богом, когда все было «добро зело» и не существовало ни страдания, ни рабства, ни смерти.

Шестов призывает к борьбе с Ананке (Необходимостью), то есть со всеобщими и необходимыми, принуждающими и принудительными истинами [10. С. 406]. Для человека, который дерзнул вырваться из-под ее власти, нет ничего невозможного, бывшее может стать не бывшим, он становится не нудимым, а власть имеющим. По мнению Шестова, философия может дать человеку сверхъестественное зрение, т.е. не такое, которое видит то, что есть, а иное, благодаря которому то, что он видит, по его воле становится тем, что есть. Шестов вновь переосмысливает Ницше: он критикует немецкого философа за *amor fati*, в которой ранее видел величие человека, теперь же наоборот — отказ от борьбы и безропотную и даже радостную покорность судьбе. Наиболее важной частью учения Ницше для Шестова становится понятие безмерного и могущественного «вечного возвращения», способного одолеть Ананке.

3. УЧЕНИЕ

Философия Шестова — это «странствование по душам» мыслителей, близких философу по духу (среди них — Шекспир, Ницше, Достоевский, Толстой, Лютер, Паскаль, Кьеркегор и др.). Шестов видел свою задачу в восстановлении траектории внутренней жизни исследуемого философа, осознании того, как преломился пережитый мыслителем опыт в его произведениях. Шестов использовал неявный способ изложения мыслей, прикрываясь масками своих философских двойников, что давало ему возможность вовлечь читателя в полемику и размышление, а не преподносить готовые «истины».

Многие критики и комментаторы (в том числе — Н.А. Бердяев, Н.М. Минский, М.О. Гершензон) указывали на психологизм метода Шестова при исследовании творчества философов и писателей. Минский отмечал, что «Шестова влечет не столько к философии, сколько к философам» [11. С. 295], не к идеям, но к лицам. Однако при этом, по замечанию Бердяева, он не интересуется «многообразием индивидуальных душ», а все его герои похожи друг на друга и переживают одну и ту же трагедию, перед которой бессильны общественные переустройства, и которую, согласно Шестову, нужно принять и понять. Ему в определенной мере присущ «психологический схематизм», искусственно упрощающий сложные индивидуальности исследуемых им мыслителей.

Начиная с первой книги, философ размышляет о смысле трагедии. Согласно Шестову, трагедии, происходящие с человеком, не являются случайностью, они — «разумная необходимость», благодаря которой происходит духовный рост; совершенство и развитие, считает философ, необходимо выстрадать: «скорбями заостряется» [3. С. 58] душа, она становится способной понимать жизнь; «под видимым всем горем... происходит невидимый рост... души» [3. С. 175].

Шестов прослеживает, как перерождаются герои в трагедиях Шекспира: мыслителю-Гамлету трагедия необходима, чтобы очнуться к жизни и воспринимать людей не как понятия и категории, а как живых чувствующих существ; Брут, как и Гамлет, — мыслитель, но прошедший через горнило жизни и возвысившийся до настоящей философии, предполагающей открытость миру и любовь к людям; Марций, не идущий на поводу у внешних обстоятельств, отстаивает свою свободу и право на свой путь вопреки римским традициям и идеалам; Лир, подобно Иову многострадальному, теряет все, но не смиряется и отстаивает свои права и человеческое достоинство; Макбет становится жертвой «полиции духа» — жестокого и неумолимого категорического императива, единожды нарушив который, он навсегда подвергается нравственной анафеме, что толкает его на дальнейшие злодеяния.

Впоследствии Шестов развивает свою философию трагедии, то есть «философию безнадежности, отчаяния, безумия — даже смерти» [12. С. 1]. Философ утверждает, что человек, побывавший в области трагедии, «начинает иначе думать, иначе чувствовать, иначе желать. Все, что дорого и близко всем людям, становится для него ненужным и чуждым» [12. С. 16], он оказывается уже не способным вернуться к обыденности. Переживание трагического является для Шестова сред-

ством познания: «нет иного пути к истине, как через каторгу, подземелье, подполье» [12. С. 37]. Основной вопрос, который ставит философия трагедии, — «имеют ли надежду те люди, которые отвергнуты наукой и моралью, т.е. возможна ли философия трагедии?» [12. С. 16]. Философ развивает свою критику идеализма и утверждает, что мир человеческой души противоположен сфере разума и совести. По мнению философа, традиционная нравственность, проповедующая добро и любовь к ближнему, безжалостна: она предполагает высокомерное отношение к людям и «готовность клеймить всех, кто хоть притворно не отдает ей дань уважения» [3. С. 311]. Обожествление нравственности «ведет обязательно к стремлению уничтожить, душить, давить других людей во имя какого-либо принципа, который выставляется обязательным» [3. С. 257], что мы видим в романе Толстого «Анна Каренина», героиню которого писатель приговаривает к смерти за нарушение заповеди, воздаёт ей за супружескую измену.

Шестов — философ библейского откровения: Библия для него — это самая первая «критика разума», она полна противоречий, «несравненно чудесна» [10. С. 27], ей присущи «ни с чем не сообразная парадоксальность», и даже «чудовищная нелепость» и «иммориализм» [10. С. 312]. В Библии содержится истина, которая идет вразрез со всеми навыками человеческого мышления, она не требует никаких доказательств и не принимает обоснований. Библия — это свидетельство опыта переживания единства с Богом.

Шестов не делает различия между Заветами: «чистый иудаизм» выражается как в Ветхом, так и в Новом Завете [13. С. 105]. В своей первой религиозно-философской книге («Sola fide — только верою») Шестов проводит границу между эллинизмом и язычеством, с одной стороны, и иудаизмом и христианством, с другой (но не между христианством и иудаизмом); их разделяет догмат о спасении верой [13. С. 132], что значит: своими силами человек бессилён спастись — только силою Божией: «Кто надеется на себя — тот отрекается от Бога» [13. С. 208].

Шестов проводит свою «критику» Библии, акцентируя внимание лишь на тех ее частях, которые считает не зараженными духом античной философии; при этом мыслитель принимает как Ветхий, так и Новый Завет не целиком. Он «исключает» из Ветхого Завета Книги учительные — Псалтырь и «хокмическую» письменность (т.е. письменность мудрых: Книги Притчей Соломоновых, Экклезиаста и др.), кроме Книги Иова, а также, за небольшими исключениями, и пророческие книги. В Новом Завете наиболее неприемлемым для него является Евангелие от Иоанна, начинающееся антиветхозаветно — «В начале было Слово» (Ин. 1:1), что в понимании Шестова, означает, что откровение должно быть взвешено на весах Афин, т.е. разума.

Для Шестова нет ни христианина, ни иудея, но «все под грехом» (Рим. 3:9). Философ принимает христианскую идею о первородном грехе, трактуя ее на свой лад. Согласно Шестову, грех коренится не в человеческой природе, но в человеческом сознании. Кроме того, Бог не осуждал первых людей после нарушения запрета: он лишь предупреждал их о том, что плоды с древа познания таят в себе смерть. Человек погубил себя сам, поверив не Богу, а змию, духу лжи, говорящему,

что знание делает человека более могущественным; человек стал знающим, но ограниченным и смертным существом.

Шестов размышляет о бытии Бога, определяя его как волю, неопределенность и произвол. Живой библейский Бог «не знает ни должного, ни необходимого» [10. С. 253], Он свободен от всех ограничений и не нуждается ни в почве, ни в опоре. Бог для него — «великий Творец, из ничего творящий все» [13. С. 253]; Он как «свободнейшее существо» не выбирает между добром и злом, он не знает добра и зла, поскольку Он вообще ничего не «знает», но Бог все творит. Значимость поступков человека, их ценность определяется «свободным, произвольным, ничем не связанным, решением Бога» [13. С. 96]. То есть нравственный порядок случаен, он основан на абсолютной Божественной воле, то есть на произволе Бога.

Для живого Бога, утверждает Шестов, нет невозможного, как нет ничего вечного и неизменного. Бог не подвластен никаким законам, Он может помочь человеку переступить через истину, через добро и через последнее ограничение — законы материального мира — и сделать бывшее небывшим: «Перед Его лицом (*facies in faciem*) и зло, и ложь сами собой перестают существовать, превращаются в ничто, которого не только в настоящем, но и в прошлом никогда не было, вопреки всем свидетельствам человеческой памяти» [10. С. 176].

Шестов полагает, что вера и непосредственные отношения между Богом и человеком есть конец человеческой трагедии, конец борьбы и страданий. Вера оказывается «непостижимой творческой силой» [10. С. 292], преображающей бытие; она влечет нас в пространство невозможного, то есть соединяет человека с Богом. Вера «излучает из себя последние, решающие истины о существующем и несуществующем» [10. С. 27], то есть «сотворенные истины», которые «свободно даются, свободно принимаются, ни пред кем не отчитываются, никем не регистрируются, никого не пугают и сами никого не боятся» [10. С. 395]. Существование вечных истин («застывших, окаменевших, омертвевших и мертвящих» [10. С. 317]) иллюзорно, им человек подчиняется из-за чувства страха и тревоги, а также из-за нежелания бороться; есть только истина сотворенная, то есть истина веры и откровения, над «которой Творец является господином и которая служит, должна служить ему, находится у него на посылках» [10. С. 307]. Вся философия Шестова проникнута и одушевлена единой задачей: «страхнуть с себя власть бездушных и ко всему безразличных истин, в которые превратились плоды с запретного дерева» [10. С. 24].

По мнению Шестова, дело веры не в том, чтобы исправить слабого и грешного человека. Вера не имеет ничего общего ни с нашим знанием, ни с нашими моральными чувствами [13. С. 243—244]. Божественное правосудие не имеет никакого отношения к нашему человеческому представлению о справедливости: перед высшим судом грешники и праведники равны («Так будут последние первыми, и первые последними» (Мф. 20:16)). «Величайшей реальностью» обладает лишь тот суд, который ждет человека по ту сторону истории: он не знает «ни норм, ни законов, для него нет правосудия, пред ним все виноваты, и особенно тяжко виноват тот, кто подчинялся законам и в добровольном подчинении законам

видел свою добродетель» [8. С. 135]. Шестов пишет о том, что на Страшном суде решается вопрос о свободе воли, бессмертии души, а также бытии Бога: «И Бог ждет, как каждая живая человеческая душа, последнего приговора» [8. С. 242]. Шестов утверждает, что Бог не всеблаг, не всезнающ: Он «любит, и хочет, и волнуется, и раскаивается, и спорит с человеком, и даже иной раз уступает человеку в споре» [8. С. 18] (как это было в случае с Иовом). Последнее решение остается для Шестова за человеком, и именно выбор человека определит, что победит — жизнь или смерть, реальное или идеальное. «Человек, — считает Шестов, — должен быть мерой всех вещей» [8. С. 250], как человеческих, так и божественных, и в этом — «высшая цель» и новая заповедь. Шестов ощущал богооставленность человека, и поскольку «Бога нет, человек должен сам стать Богом, т.е. все творить из ничего, все: и материю, и формы, и вечные законы» [8. С. 237].

Оппозицию откровению Библии и вере пророков составляют философы, то есть Афины и умозрение. Афины для Шестова — это покорность вечным и неизменным законам разума и морали, которые нельзя умолить и к которым нельзя обратиться. Сущность умозрения, считает Шестов, заключается в том, что человек приучается видеть себя как часть единого целого и убеждает себя, что люди сами по себе значения не имеют. Свобода умозрения, говорит Шестов, — это свобода повиноваться; все, что может делать античный философ — это постичь истину и с мудрым спокойствием ей покориться. Бог, которому поклоняется философ, потерял все личностные черты, превратившись в принцип; он стал сверхличностью. Бог философов — далекий бог, слепой и глухой, не видящий человеческих страданий, не слышащий молитв; он не противоречит добру, он идет по тем путям, который ему указывает разум. Разум, приписывая Богу предикаты, подчиняя Его этическим принципам, стремится спасти человека от «несдержанного и беспорядочного произвола» [8. С. 259] Бога и Его всевластия — то есть руководствуется человеческими целями и интересами, однако тем самым разум убивает живого Бога и порождает неумолимого бога философов. Выбор Афин — античных философов и ученых — заключается в подчинении воли разуму, мудрость пророков Иерусалима — в дерзновенной борьбе за чаемое и бесконечной вере в его осуществление. Компромисс веры и разума, полагает Шестов, невозможен: Афины «никогда не договорятся» с Иерусалимом. Философия, богословие, судьбы истории и всего человечества для Шестова определяется противоборством двух начал: разума и веры, умозрения и откровения, Афин и Иерусалима, эллинского и библейского начал.

Шестов призывал к освобождению от разума, используя рациональную аргументацию и средства умозрительной философии. Решение этого парадокса связано с тем, как Шестов определял задачу своей философии, которую видел в том, «чтобы помочь ближнему освободиться от обычной, ставшей как бы второй человеческой природой мудрости. Здесь еще человек может быть нужен и полезен человеку. Тот, кто узнал тщету человеческой мудрости, тщету готовых путей к истине, — может в трудную минуту поддержать и утешить начинающего» [13. С. 285—286], но дальше человек должен продолжать свой путь в одиночестве.

Согласно Шестову, философия — это искусство «жить в неизвестности», она должна «не успокаивать, а смущать людей» [5. С. 38]; философия стремится «прорваться сквозь логическую цепь умозаключений» и вынести человека «в безбрежное море фантазии, фантастического, где все одинакового возможно и невозможно» [5. С. 49]. Несмотря на то, что в «Апофеозе беспочвенности» Шестов призывал стоически принимать все непоправимое за должное и предлагал «слагать гимны уродству, разрушению, безумию, хаосу, тьме» [5. С. 165], в своей эволюции философ от смирения движется к дерзновению — Брут перестает быть для мыслителя героем и идеалом философа, но становится жертвой идеи.

Люди, считал Шестов, спят наяву и бодрствуют во сне. Свою задачу мыслитель видел в пробуждении от сна, в призыве к бодрствованию, поэтому он полагал, что его философия должна «тормозить, щипать, бить, щекотать» человека, чтобы привести его в чувство, в сознание, в реальность. Философия оказывается в конечном итоге «великой и последней борьбой за первозданную свободу» [10. С. 28], то есть борьбой за реальность верующего сознания, непопеченную знанием.

Для мировоззрения Шестова характерен радикальный оптимизм, утверждающий, что все человеческие мольбы будут услышаны, а чаяния исполнены. Его философия «человечна», она обращена к единичному индивидуальному существованию и отражает состояние души человека. Правда для Шестова всегда оказывается на стороне человека; его желания и стремления перевешивают чашу весов. Мыслитель призывал к свободе и критичности мышления, говорил о необходимости отказа от любых авторитетов, ведь человек — это неограниченная возможность, открытость миру и Богу. Для философии Шестова характерна бесконечная вера в человека. Он отстаивает его права и свободы перед необходимостью — природной или социальной.

4. ВЛИЯНИЕ НА ПОСЛЕДУЮЩУЮ ТРАДИЦИЮ

Несмотря на то, что Шестов не стремился никого обратить в свою «веру», не искал учеников и последователей, в России вокруг философа сложился круг «шестовцев», в который входили философ, юрист, журналист, публицист и литературный критик С.В. Лурье, поэтесса и переводчица В.Г. Малахьева-Мирович, писатель и литературный критик Е.Г. Лундберг и актриса МХАТа Н.С. Бутова. К ним примыкают философ А.М. Лазарев и Б.Ф. Шлёцер, сделавший себе имя во Франции как переводчик, музыкальный и литературный критик; в меньшей степени он известен как писатель и мыслитель. Шестов оказал влияние на творчество А.М. Ремизова.

На Западе экзистенциальные идеи Шестова нашли значительно больший отклик, нежели на родине. Так, А. Камю в работе «Миф о Сизифе: эссе об абсурде» (*Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. С. 222—318*) уделяет значительное внимание экзистенциальной философии Шестова. Определенное влияние идей русского философа испытал Г. Марсель (но отказался от них, так как со временем пришел к убеждению, что Шестов, непрестанно вопрошая, стучался туда, куда

нет доступа человеческому разуму). О воздействии шестовской философии на свое творчество говорили И. Бонфуа, «парижские румыны» эссеист Э. Чоран и драматург Э. Ионеско и др.

В 1923—1925 гг. Ж. Батай, увлеченный в то время идеями Шестова, был частым гостем в его доме. В течение двух лет Шестов был наставником Батая в чтении философской литературы. Шестов очаровал Батая философией, показав, насколько свободной может стать мысль, если движет ей воля к невозможному.

В 1924 г. Шестов в салоне философа-ницшеанца Ж. де Готье познакомился с Б. Фонданом, молодым поэтом румынского происхождения, который стал его учеником и последователем в самом точном смысле этого слова. Так же как и у Шестова, центральную роль в философии и творчестве Фондана играет противопоставление Афин и Иерусалима, разума и веры (у Фондана понятие «веры» заменяется понятием «надежды»). Как для Шестова, так и для Фондана истинная экзистенциальная философия — это философия трагедии, которая у Фондана сближается с поэзией.

Философия Шестова произвела впечатление на писателя и поэта Д.Г. Лоуренса, писателя и журналиста Дж.М. Мерри, польского поэта и эссеиста Ч. Милоша, британского поэта-сюрреалиста Д. Гаскойна. Таким образом, философия Шестова оказала значительное (хотя отчасти «подпольное») влияние на европейскую культуру.

© Ворожихина К.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лундберг Е.Г.* Записки писателя (1920—1924). В 2 т. Т. 2. Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1930.
- [2] *Шестов Л.* Умозрение и откровение. Религиозная философия Владимира Соловьева и другие статьи. Париж: YMCA-Press, 1964.
- [3] *Шестов Л.* Соч.: В 2 т. Т. 1. Томск: Водолей, 1996.
- [4] *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. В 2-х тт. Т. 1. Paris, 1983.
- [5] *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). Париж: YMCA-Press, 1971.
- [6] *Ловцкий Г.Л.* Лев Шестов по моим воспоминаниям // Грани. 1960. № 45. С. 78—98; № 46. С. 123—141.
- [7] *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. В 2-х тт. Т. 2. Paris, 1983.
- [8] *Шестов Л.* Соч.: В 2 т. Т. 2. Москва: Наука, 1993.
- [9] *Шестов Л.* Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс-Гнозис, 1992.
- [10] *Шестов Л.* Соч.: В 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1993.
- [11] Л.И. Шестов: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, комментарии Т.Г. Щединой. СПб.: РХГА, 2016.
- [12] *Шестов Л.* Достоевский и Нитше (философия трагедии). СПб.: Стасюлевич, 1903.
- [13] *Шестов Л.* Sola fide — только верою (Греческая церковь и средневековая философия. Лютер и церковь). Paris: YMCA-Press, 1966.

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-192-209

LEV SHESTOV

K.V. Vorozhikhina

RAS Institute of Philosophy
Goncharnaya Str., 12/1, Moscow, Russia, 109240

Abstract. The article is devoted to the biography and creativity of the Russian religious existential thinker Lev Shestov. The article reflects the main stages of the philosopher's philosophical evolution: it analyzes the sources of his work, the circle of the closest to Shestov thinkers and philosophers, it examines the reasons of the transformations of his views that forced philosopher to overcome the ethical and take the path of philosophy of tragedy and immoralism, it traces his creative evolution from populism to Nietzscheanism and religious philosophy of the existential type. The author of the article analyzes the changes of Shestov's ethical understanding, his vision of philosophy and the idea of humanism and his attitude to the personality and heritage of F. Nietzsche. The article discusses the basic concepts of his teaching: tragedy, the living God, faith, reason, sin, boldness, "vsemstvo", death, speculation, etc. It traces the connection with European intellectuals and emphasizes Lev Shestov's contribution to Western culture.

Key words: Lev Shestov, existential philosophy, religious philosophy, philosophy of tragedy, literary criticism, populism, Nietzsche, Kierkegaard, "Athens and Jerusalem"

REFERENCES

- [1] Lundberg EG. *Zapiski pisatelya (1920—1924): V 2 t.* [Writer's Notes (1920—1924): In 2 vols.]. Vol. 2. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade Publ., 1930. (In Russ.).
- [2] Shestov L. *Umozrenie i otkrovenie. Religioznaya filosofiya Vladimira Solov'eva i drugie stat'i* [Speculation and Revelation. The Religious Philosophy of Vladimir Solovyov and Other Articles]. Paris: YMCA-Press, 1964.
- [3] Shestov L. *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1993. (In Russ.).
- [4] Baranova-Shestova N. *Zhizn' L'va Shestova: V 2 t.* [Lev Shestov's Life: In 2 vols.]. Vol. 1. Paris: La Presse Libre, 1983. (In Russ.).
- [5] Shestov L. *Apofeoz bespochvennosti (opyt adogmaticheskogo myshleniya)* [Apotheosis of Groundlessness (An attempt of Adogmatic Thinking)]. Paris: YMCA-Press, 1971. (In Russ.).
- [6] Lovckij GL. "Lev Shestov po moim vospominaniyam" [Lev Shestov of My Memories]. *Grani*, 1960, no 45, pp. 78—98; no 46, pp. 123—141. (In Russ.).
- [7] Baranova-Shestova N. *Zhizn' L'va Shestova: V 2 t.* [Lev Shestov's Life: In 2 vols.]. Vol. 2. Paris: La Presse Libre, 1983. (In Russ.).
- [8] Shestov L. *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1993. (In Russ.).
- [9] Shestov L. *Kirgegard i ehkzistencial'naya filosofiya (Glas vopiyushchego v pustyne)* [Kierkegaard and the Existential Philosophy (Vox Clamantis in Deserto)]. Moscow: Progress-Gnozis Publ., 1992. (In Russ.).
- [10] Shestov L. *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1993. (In Russ.).
- [11] *LI Shestov: pro et contra, antologiya* [L.I. Shestov: Pro et Contra, Anthology]. Ed. T.G. Shchedrina. SPb.: RHGA Publ., 2016. (In Russ.).
- [12] Shestov L. *Dostoevsky i Nietzsche (filosofiya tragedii)* [Dostoevsky and Nietzsche (The Philosophy of Tragedy)]. SPb.: Stasyulevich Publ., 1903. (In Russ.).

- [13] Shestov L. *Sola fide — tol'ko veroyu (Grecheskaya cerkov' i srednevekovaya filosofiya. Luther i cerkov')* [Sola fide — Only by Faith. Greek Church and Medieval Philosophy. Luther and the Church]. Paris: YMCA-Press, 1966. (In Russ.).

Для цитирования: *Ворожихина К.В.* Лев Шестов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. No 2. С. 192—209. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-192-209.

For citation: Vorozhikhina K.V. Lev Shestov. *RUDN Journal of Philosophy*. 2019; 23 (2): 192—209. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-192-209.

Сведения об авторе:

Ворожихина Ксения Владимировна — кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН (e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com).